

Ж.М. Юша

Институт филологии СО РАН, Новосибирск

**Фольклор тувинцев Китая и Монголии
(по результатам полевой работы 2011 года)**

Аннотация: В статье рассматриваются результаты фольклорно-этнографических экспедиций 2011 г. к тувинцам Китая и Монголии. Анализируется современное состояние устной фольклорной традиции у зарубежных тувинцев, живущих в отрыве от материнского этноса более 200 лет.

In the article discusses the results of the folklore-ethnographic expeditions in 2011 to Tuvinians China and Mongolia. The modern state of oral folk traditions from foreign Tuvinian living in isolation from the maternal ethnic group of more than 200 years old.

Ключевые слова: тувинский фольклор, тувинцы Китая и Монголии, экспедиции, Синьцзян-Уйгурский автономный район, Хубсугульский, Дарханский, Ховдинский аймаки.

Tuvinian folklore, Tuvinians of China and Mongolia, expeditions, Xinjiang Uygur Autonomous Region, Khubsugul, Darkhan, Hovd aimags.

УДК: 398.

Контактная информация: Новосибирск, ул. Николаева, 8. ИФЛ СО РАН, сектор фольклора народов Сибири. Тел. (383) 3301452. E-mail: zhanna-yusha@yandex.ru.

В течение 2011 года в рамках экспедиционного гранта РГНФ (№ 11-04-18025е) мною были проведены комплексные фольклорно-этнографические экспедиции к этнолокальным группам зарубежных тувинцев, компактно проживающим на территории Китая и Монголии. Основной целью полевой работы являлась запись произведений устного народного творчества, визуальная фиксация этнографических реалий и обрядов на цифровую аудио-, видео-, фотоаппаратуру.

Учитывая календарно-сезонную обрядность тувинцев, полевые исследования проходили в три этапа: зимний, летний, осенний. Продолжительность каждой экспедиции составила один месяц.

Во время полевой работы нами были использованы разные приемы, такие как метод включенного наблюдения; фиксация фольклорных произведений без отрыва от ритуала в их живом, естественном бытовании, исключая постановочные кадры; интервьюирование; беседа; «исследовательская провокация» (термин Т.Б. Диановой) [Дианова, 2011, с. 5].

С 25 января по 23 февраля 2011 г. состоялась первая поездка в населенные пункты Синьцзян-Уйгурского автономного района Китайской Народной Республики, в места компактного проживания тувинцев: Хаба, Ак-Хаба, Ханас, Хом, Ала-Хаак, г. Алтай, г. Бурчин, зимние стойбища близ села Ханас. Основной целью экспедиции была запись традиционной зимней календарной обрядности – встречи Нового года по лунному календарю (*Шагаа байырлары*).

В настоящее время численность тувинцев Китая составляет около 2300 человек. Самоназвание тувинцев Китая варьируется: *кок-мончак*, *мончак*, *алдай дывазы*. Однако из-за малочисленности их в паспортах записывают как монголов, что

затрудняет установить реальную численность. Родной тувинский язык сами носители называют *мончакча* или *дываджа*. Сфера функционирования родного языка достаточно узка, он является языком общения в семейном кругу и с соплеменниками. Кроме этого, тувинцы, живя в полиэтничном окружении, владеют монгольским, казахским, китайским языками, то есть являются полилингвами. Тувинцы не имеют своей письменности, их дети обучаются в монгольских или казахских школах, с обязательным изучением государственного языка – китайского. Занимаются скотоводством, в последние же годы в летний период жители селений Ханас и Хом подключились к туристическому бизнесу, обслуживая туристов.

Фольклор тувинцев, живущих в Китае, не изучался ни российскими, ни зарубежными исследователями.

Во время зимнего этапа полевой работы нами применялся метод включенного наблюдения, при котором исследователь может участвовать наравне с другими в проведении некоторых новогодних обрядов. Прием «исследовательской провокации» нами использовался тогда, когда информант затруднялся с ответом. В этих случаях в виде подсказки или «провокации» мы исполняли то или иное фольклорное произведение, характерное для тувинской традиции.

Как свидетельствуют наши полевые материалы, у китайских тувинцев до настоящего времени в полном виде представлен календарно-обрядовый цикл, который обусловлен, по-видимому, тем, что они до сих пор ведут традиционный образ жизни. Так, в зимний период тувинцы широко отмечают встречу Нового года по китайскому лунному календарю (*Шагаа*) в течение пятнадцати дней. У них этот праздник наиболее любимый и долгожданный. Предновогодний этап характеризуется четко выраженной очистительной символикой: люди убирают свои дома и юрты, чистят территорию вокруг жилищ. По народным представлениям, считается, что все плохое, весь негатив прошедшего года, должен уйти вместе с грязью, так как «каждый календарный цикл (день, месяц и в особенности год) характеризуется постепенным накоплением “шлаков”, отходов, нечистот, деструктивных сил, и как следствие, происходит его изнашивание, старение, требующее специальных, ритуально оформленных процедур, гарантирующих очищение и омоложение» [Байбурин, 1991, с. 40]. Кроме того, для этого же этапа свойственен подготовительный характер: заранее готовят еду для будущих гостей, заготавливают впрок дрова с расчетом на пятнадцать дней, на время празднеств.

Канун *Шагаа* тувинцы называют «*чансар*», или по-монгольски «*кучун*». В этот день тувинские семьи возле *бургана* ставят зажженную свечу – *чула*, а в послеобеденные часы накрывают праздничный стол и приглашают к себе в гости пожилых родственников на совместную трапезу, с тем, чтобы проводить уходящий Старый год.

Вечером, когда на небе появляются звезды, члены 4-5 семей, живущих по соседству, объединяются и, начиная с дома уважаемого человека, затем в порядке очереди, заходят в остальные дома. В каждом доме садятся за праздничный стол, трапезничают, проводят специальный обряд – *чилиг кагары* (разбивание бедренной кости коровы или овцы). Считается, что с проведением этого ритуала «открывается дорога новому». Это совершает зять этой семьи или же другой молодой человек, пришедший в гости. После того, как одним ударом разбивают кость, оттуда извлекается костный мозг, который делят между участниками обрядового действия. Затем мужчины выходят на улицу и с криками «*курай-курай*», призывают счастье и достаток, громко кричат, запускают петарды. Здесь отчетливо прослеживается влияние древних представлений китайцев о том, что шум отгоняет злых духов, и они побоятся прийти.

Новый 2011 год по лунному календарю наступил 3 февраля с первыми лучами солнца. В селе Ак-Хаба, как и в других населенных пунктах, зимниках, где проживают тувинцы, на возвышенности имеется специально сооруженное место, называемый *байлын*, считающийся местом обитания духа-хозяина местности.

Ритуал встречи Нового года проводится мужчинами. Обряд состоит из последовательных звеньев: подготовка места моления и жертвенного костра; трехкратный обход *байлына*; развешивание жертвенных ленточек – *чалама*; окропление молоком или чаем; трехкратный обход *байлына*; произнесение знатоком традиций и уважаемым человеком от имени всего коллектива чалбарыг-заклинания, обращенного к духу-хозяину Алтая, седобородому старцу; коленопреклоненное моление участников обряда; разжигание жертвенного костра – *сан салыры*; призывание счастья *курайлаар*; приветствие по обычаю – *шагаалажыр*¹, держа на руках *хадаки*² – ритуальные шелковые платы (обычно белого, синего, желтого цветов), младший по возрасту подставляет ладони старшему.

На это священное место *байлын* женщинам категорически запрещено приходить, но мне, как чужестранке, разрешили снять этот сакральный обряд.

В селе Ак-Хаба от начала до конца были нами зафиксированы на видеоаппаратуру традиционные спортивные состязания по стрельбе из лука – обязательное составляющее новогодних празднеств. Они проводились два дня – с утра до вечерних сумерек. В состязаниях участвуют только мужчины, считается, что мальчики еще не могут поднять тяжелый лук. В правилах этих состязаний присутствуют многие элементы традиционной мифологии: поклонение духам-хозяевам, вера в магическую силу слова, запреты, поверья, а из фольклорных жанров широко используются дразнилки.

Во время празднования *Шагаа* все семьи принимают гостей у себя дома и ходят в гости друг к другу, навещают родственников, друзей и знакомых в течение пятнадцати дней. Считается, что во время *Шагаа* нет плохих людей с дурными помыслами. Каждого зашедшего в дом человека, даже незнакомого, нужно приветить и угостить.

Последним днем Нового года считается пятнадцатый день первого месяца по лунному календарю. В этот день тувинцы отмечают особый обряд, называемый *Мэтэр*, в честь Майтреи – Будды грядущего тысячелетия. Поскольку в этих местностях нет буддийских храмов, обряд ограничивается проведением празднеств, во время которых уважаемым людям старшего поколения, а также молодым, которые хорошо работают, посвящаются благопожелания, преподносятся *хадаки*, поются народные и авторские песни. В проведении таких празднеств мы склонны видеть трансформацию буддийского обряда, адаптированного к местным условиям³. Обряд *Мэтэр* нами был заснят в Ала-Хааке, Бурчине и Хабе, население которых представляет разные родоплеменные группы тувинцев.

Кроме новогодних обрядов, в городе Алтае нам посчастливилось зафиксировать все этапы тувинской свадьбы, первый и второй этапы которой проводились в доме родителей невесты. Во время этих ритуалов совершались различные обрядовые действия, связанные с принятием жениха в свой род, произносились благопожелания, пелись свадебные песни, импровизированные песни-пожелания для каждого гостя, исполняемые матерью жениха.

Во время зимней экспедиции нам не удалось записать репертуар известного сказителя Тыдыка из рода кара-тош, которого намеревалась записать в эту поездку. Оказалось, что у китайских тувинцев, согласно их мифологическим представлениям, существует запрет на рассказывание героических сказаний после наступления Нового года. В случае нарушения запрета считается, что весна будет долгой, затяжной и будет падеж скота.

¹ Диалектное слово, лит. *чолукиуур*.

² Диалектное слово, лит. *кадак*.

³ В республиках Тыва, Бурятия, Калмыкия, исповедующих буддизм, на 15-й день после встречи Нового года по лунному календарю, в буддийских монастырях проводится специальный обряд, когда ламы читают мантры, посвященные приходу Будды Майтреи.

В ходе полевой работы была проведена видеосъемка исполнения фольклорных произведений, обрядов и этнографических реалий, самих носителей традиции, музыкальных инструментов. Сопоставление записей, полученных одновременно на аудио- и видеоаппаратуре, показало, что комплексное применение разной аппаратуры дает более полное, адекватное представление об исполнении того или иного фольклорного произведения.

На втором этапе, с 21 июня по 18 июля 2011 г., летняя экспедиционная работа продолжилась в этой же среде тувинцев Китая. Некоторые респонденты записывались повторно. Достижением летней полевой работы стало то, что нам впервые удалось посетить селения Кок-Догай, Тамыкы, где проживает малочисленная группа тувинцев (около 130 чел.). Эти поселения находятся в значительной отдаленности от основной группы китайских тувинцев, на территории, граничащей с Кобдоским аймаком Монголии. Тувинцы этих мест проживают с численно преобладающим казахским населением. Они, кроме скотоводства, занимаются и земледелием. Здесь нами собраны в основном жанры несказочной прозы: мифы о созвездиях, о животных, исторические предания о бегстве тувинцев в Монголию в период гражданской войны в Китае, многочисленные варианты исторических преданий про Амыр-Сану – Хун-тайджи, восставшего против власти маньчжуров. Помимо этого материала собраны этнографические данные: описания календарных, семейно-бытовых и похоронно-поминальных обрядов, характеризующих вариативность обрядовой культуры тувинцев Китая.

Большой удачей экспедиции можно считать то, что в этот раз нам удалось записать на летнем стойбище репертуар Тыдыка из рода кара-тош, 74 лет, одного из последних тувинских сказителей. В течение нескольких дней от него записаны три героических сказания, относящихся к архаическому типу эпоса: «*Буга-Чарын, Бора-Шээлей*», «*Моге Сагаан-Тоолай*», «*Кунан-Кара*», которые были исполнены традиционным напевным речитативом без музыкального сопровождения.

Во время этой же экспедиции записанные образцы песенной культуры тувинцев представлены разными жанрами, здесь и узун ыр (протяжные песни), кыска ыр (короткие песни), овей ыры (колыбельные песни), элдек ыр (шуточные песни), мактал ырлары (песни-восхваления родителей, родных мест), дагша ырлары (песни при подношении молочной водки). Поскольку жители этих мест свободно владеют языками соседних народов, то в их песенном репертуаре имеются и казахские, и монгольские, и китайские народные песни. С точки зрения изучения традиционной инструментальной культуры представляют интерес наигрыши на музыкальных инструментах шоор, илгиур и допиуур.

Собранные нами у тувинцев Китая произведения фольклора идентичны фольклорным образцам российских тувинцев. Например, мотивы и сюжеты героических сказаний «Буга-Чарын, Боктуг-Кириш», «Кунан-Хара», «Моге-Сагаан-Тоолай», мифологических рассказов о происхождении созвездий, о духах-хозяевах местностей, о злых духах, исторических преданий про Амыр-Сану, тематика благопожеланий, восхвалений, заклинаний полностью совпадают.

В результате двух экспедиций к китайским тувинцам нами зафиксированы следующие жанры устно-поэтического творчества: бурун хоочулар (мифы), тууку хоочулары (предания, легенды), тоолдар (сказки, героические сказания), алгыш-йөрээлдер (благопожелания), чалбарыглар (заклинания), макталдар (восхваления), ырлар (народные песни), согааткан ырлар (авторские песни), мал алзыры (мелодии приручения приплода домашних животных к самкам), дывызыктар (загадки), чечен, улегер сөстөр (пословицы и поговорки), бүзүрелдер (приметы и поверья). Записаны уникальные исторические сведения о репрессиях, о родоплеменных группах, об истории четырех сумонов, о русских переселенцах, которые жили в этих местах до 1956 года, о бегстве тувинцев Китая в Монголию и др. Кроме этого, полностью записаны все этапы обряда встречи Нового года по лун-

ному календарю, современный свадебный ритуал, а также описание промысловых и поминально-погребальных обрядов.

В ходе проведенных исследований можно сделать следующий вывод. Тувинцы Китая проживают в основном рядом с численно преобладающим казахским населением, исповедующим ислам, но владеющим родственным языком тюркской языковой семьи. Однако по отношению к казахам у тувинцев наблюдается оппозиция «свой-чужие», причиной чего является различие в сфере обрядового цикла: семейно-бытового, календарного, похоронно-поминального, обусловленные принадлежностью к разным религиям. Можно констатировать, что взаимовлияние тувинской и казахской культур идет больше всего на уровне языка, хотя есть и единичные заимствованные обычаи и традиции. Например, в свадебной обрядности – калым за невесту; в детском цикле – проведение мусульманского обряда для мальчиков *сундет* (обрезания) у городских тувинцев.

Третий этап полевых исследований был проведен с 14 сентября по 17 октября 2011 г. в Монголии, в аймаках компактного проживания тувинского населения. К территории современного расселения тувинцев относятся Баян-Ольгийский, Дарханский, Селенгинский, Ховдинский и Хубсугульский аймаки¹. По имеющимся данным численность монгольских тувинцев составляет около 10000 человек. Они, как и тувинцы Китая, в паспортах записаны как монголы, что также затрудняет вычислить реальное число.

В языковом отношении тувинцы Ховдинского и Хубсугульского аймаков являются билингвами, знающими монгольский и тувинский языки, остальные же группы тувинцев владеют тувинским, монгольским, казахским языками².

Нашим первым пунктом экспедиционной работы стал сумон Цагаан-Нуур Хубсугульского аймака. Здесь же нам представилась возможность поработать и в труднодоступных таежных местах, где находились осенние стойбища тувинцев-оленеводов. Нарративная сфера представлена мифами, легендами, сказками *тоол*; обрядовые жанры включают благопожелания *алгыш-йорээл*, заговоры *чал-барыг*; лирическая поэзия представлена песнями *ыр*, исполненными на традиционные общетувинские типовые напевы и характерные для определенных песен мелодии (такие как «Одуген-тайга», «Межегейим», песни-восхваления оленей и др.). Помимо песенного и повествовательного фольклора, нами было зафиксировано большое количество материала, иллюстрирующего традиционное мировоззрение тувинцев: их взгляды на окружающий мир, представления о жизни и смерти, описания различных обрядов, а также ценные сведения по истории и этнографии тувинцев-оленеводов, которые дополняют комментарии к фольклорным текстам. Материал, записанный у тувинцев-оленеводов, репрезентирует жанровое многообразие в том виде, как она сохранилась на сегодняшний день.

Кроме запланированной полевой работы среди тувинцев-оленеводов Хубсугульского аймака, состоялась поездка и в другие аймаки Монголии, где также компактно проживают две этнолокальные группы этнических тувинцев. Мы посетили следующие населенные пункты: сумон Орхон Дарханского аймака, где живут выходцы из сумона Цэнгэл Баян-Улэгэйского аймака и город Ховд Ховдинского аймака, представители старшего поколения которого во время гражданской войны 30–40-х гг. бежали из Китайского Алтая на территорию Монголии. В этих местах нами записаны образцы семейно-бытового фольклора, описание обрядов детского, похоронно-поминального циклов. Можно отметить, что среди записанных фольклорных жанров преобладают нарративные – миф, предание. В гораздо

¹ В Баян-Ольгийском аймаке казахи составляют 97% населения, в остальных преобладает монгольское население.

² Это связано с тем, что тувинцы, живущие в Дарханском, Селенгинском аймаках являются выходцами из сумона Цэнгэл Баян-Ольгийского аймака.

меньшей степени сохранилась народная песенная культура. Опрошенные информанты, в основном пели авторские песни на тувинском или монгольском языках.

Поскольку наш маршрут проходил через город Улан-Батор, то здесь удалось встретить и записать представителей хубсугульской, ценгелской, ховдинской этнолокальных групп тувинцев Монголии.

Несмотря на то, что монгольский язык не является родственным для тувинцев, у них с монголами имеются схожие обряды, обычаи и религиозные представления, что обусловлено историко-культурными связями, укладом жизни двух кочевых народов. Поэтому, как свидетельствуют полевые материалы, тувинцы Монголии склонны адаптироваться к монгольской культуре.

Таким образом, во время экспедиционной работы среди тувинского населения, проживающего в Китае и Монголии, была собрана в живом звучании обширная коллекция материалов. Впервые зафиксированы фольклорные, этнографические и музыкальные образцы четырех этнолокальных групп современную высокочувствительную аппаратуру.

В результате наших полевых исследований было установлено, что устная фольклорная традиция тувинцев Китая и Монголии до настоящего времени является достаточно живой и функционирующей системой традиционной культуры, сохраняющей взаимосвязь с религиозными представлениями, мифологией и обрядами жизненного цикла. Кроме того, в обрядовой сфере наблюдаются консервативность и устойчивость в проведении религиозно-культовых, семейно-бытовых, похоронно-поминальных ритуалов.

Зарубежные тувинцы живут в окружении разных национальностей: казахов, монголов, китайцев, дункан, что не могло не повлиять на процессы естественной трансформации исконной культуры, некоторых мифологических представлений: в частности, китайской и монгольской. На уровне лексики замечено также отличие от современного тувинского языка в употреблении диалектных слов, особым фонетическим произношением, морфологическими особенностями построения речи, заимствованными словами из языков соседних народов. Однако записанные фольклорные произведения демонстрируют единую общетувинскую фольклорную традицию с этнолокальной спецификой.

Результаты экспедиций: видеофиксаций 28 ч., аудиозаписей – 123 ч., фотографий более 1000 шт. Эти полевые материалы послужат основой для сравнительно-сопоставительного анализа фольклора тувинцев России, Китая и Монголии.

Литература

Байбурин А.К. Ритуал: старое и новое // Этнознаковые функции культуры. М., 1991.

Дианова Т.Б. Полевой эксперимент в фольклористике: методы и формы // Традиционная культура. 2011. № 4.

Материалы, записанные в ходе экспедиций 2011 г. в Синьцзян-Уйгурском районе Китайской Народной Республики и Хубсугульском, Дарханском, Ховдинском аймаках Монголии.